

В этот светлый, мягкий майский день сочно и молодо зеленела растительность, ясным взором голубело глубоко прозрачное – только кое-где с лёгкой в вышине дымкой облачков – небо, и солнце ласково глядело на землю и на нежные, курчавившиеся барашки белых облаков над горизонтом, между которыми виднелась синева. Вдали, над полями, вернее, над тем, что раньше ими было, над солнечной далью молодой травы, струился лёгкий пар. Потому ели за полем будто вибрировали и, казалось, как дети, стараясь быть выше, своими сине-зелёными макушками тянулись ввысь к небу, к солнцу. Всё было наполнено свежестью, вибрациями юной энергии, только что появившейся на свет жизни.

Но вот солнце зашло за невесть откуда появившееся, шаловливо набежавшее небольшое облако, и все цвета стали гуще и мягче. В этот момент и шоссе повернуло, и взору открылся большой пруд, который окаймляли хвойные деревья. Вновь выглянувшее солнце, словно кокетливо глядясь в зеркало, ярким блеском отразилось на его ровной водной глади. А дальше за прудом начались богатые дачи, за высокими и надменными оградами которых, подобны молоденьким девушкам, охраняемым заботливым отцом, цвели яблоневые сады, кусты белой и всех оттенков лиловой пышной, грузно свисающей сирени, тонко-сладкий аромат которой через открытое окошко обильно проникал в салон автомобиля.

На заднем сиденье, понурившись, держа руку на животе и постоянно пытаюсь хоть немного изменить положение тела, как это делают испытывающие сильную боль люди, сидел человек и взглядывал на всю эту, пронесившуюся мимо него и слева, и справа, красу. Однако по выражению лица было видно, что она не радовала его. И действительно, плохое настроение не оставляло Ивана Ивановича Степанова все последние дни, да и было от чего. Мысли его неуклонно возвращались к тому, что, возможно, предстояло в недалёком будущем.

Степанов был человеком не то что обеспеченным, а, прямо скажем, богатым. Автосалоны, оптовки и склады в нескольких подмосковных городах хоть и жили своей, когда-то заведённой жизнью под управлением «смотрящих», и давали его семье по нынешним временам большой доход, но требовали неустанного внимания самого хозяина. Доход-то, конечно, если сравнивать с прошлым, которое он захватил своею юностью и молодостью, и вовсе космический. Жена и дети довольны, как сыр в масле катаются. В этом пенять на судьбу и печалиться Иван Иванович не мог. Правда, не всё

вспоминать, каким образом он пришёл к такому достоянию, он любил и научился вытеснять из своего сознания многие прошлые дела, думая только о будущих прибылях. А тут эта неотступная болезнь совсем некстати. Да и когда болезни кстати?..

До сих пор у Степанова никаких проблем с самочувствием не возникало. Каждое утро он в любую погоду под открытым небом и легко одетым не менее тридцати минут делал энергичную физзарядку, на работе вечером ещё и на тренажере занимался, бегал трусцой по живописным окрестностям своего трехэтажного дома-дворца и плавал в холодной, из водопровода, двенадцатиградусной воде в домашнем бассейне. Вполне достаточно для человека пятидесяти пяти лет. И с женой, Валентиной, полноправной хозяйкой всей усадьбы, она и оформлена на неё, у него всё хорошо, та живёт в свое удовольствие, радуется его физической форме и молится на своего благодетеля, освободившего её от труда зарабатывать на жизнь, в отличие от школьной подруги, работающей, правда, на фирме своего мужа. Да и в интимном плане у них, как говорится, на все сто, тоже нормально, дай бог так и дальше. Дети: сын и дочь – воспитаны, устроены, обеспечены, забот не доставляют, гордятся своим богатым отцом, современным спортивным мужчиной и часто выезжают, радуя родителей, в их родовое поместье. И отдыха ему вполне хватало: на рыбалку ездил с друзьями, но без жены, на весь день, а то и ночь прихватывали – хорошо поспать на природе – отдохнуть от рабочей и домашней, хоть и приятной, но суеты; в московский театр на премьеру, но уже по семейной традиции с Валентиной; пару раз в неделю – к любовнице, Оксане, которую он также полностью содержал, но в соседнем городке (жена, слава богу, не знает); в баньку корпоративную с «друзьями-капиталистами» попариться с

берёзовыми веничками да с девочками... Всё как было заведено и шло по накатанной колее. Правда, тут «заморочка» одна возникла – мода пошла – стали коллеги-бизнесмены возводить кто храм, кто церквушку, кто часовенку, и обихаживать их, как детей своих, как будто у них ни жён, ни детей, ни любовниц нет – каждый, конечно, по средствам. Ну, бог им в помощь, как говорится, но и ему, видно, придётся заняться этим, иначе «со свету сживут», а на это нужно время и траты денежные... Да и здоровье...

А тут с некоторых пор какая-то ненормальная жизнь началась у него, ничто не радует – вот хоть и эти красоты пейзажа... Боль в верхней части живота последние две недели измучила его донельзя, не отпускает ни на минуту и отдаёт во все стороны, уж не до дома с усадьбой, не до любовных усад и походов на стороне, не до бани, не до работы и спектаклей, не до физкультуры с рыбалкой. Язва?.. Рак?.. Что ждёт его? И что будет с его бизнесом, кому он достанется? Дети ведь тоже не приспособлены к нему... Была у него лет пятнадцать тому назад язва желудка со всеми побочными явлениями, но удалось залечить всё... Думал, опять из-за нервных перегрузок началось, Валентина покупала и заставляла его пить те лекарства, которые помогли тогда, потом новые, более современные, меняла их на другие, однако... Сын и дочь пока, правда, ничего не знают. А болит, всё болит, будто зверь какой когтистой лапой вцепился в его нутро, тянет и не отпускает, тащит его в тёмную неизвестность, где нет и никогда не будет ничего родного, такого привычного... Иван Иванович снова глотнул коньяк из бутылки, которую, уже наполовину пустую, держит в руке. На первых секундах снимает, но после опять начинает болеть.

Глухая, тёмная тоска прочно поселилась в душе у него в последнее время. Валентина, друзья и сотрудники заметили,

как он сильно осунулся, пожелтел, глаза запали. Оксана из соседнего городка всё звонит на запасной сотовый, переживает, что давно не приезжал, скучает. Кроме сильной боли и симптомы-то все нехорошие в своей совокупности: сильная утомляемость, слабость, бессонница ночью и сонливость днём, нежелание есть, частая тошнота и уплотнения в подмышках наводили на мысли. И никакого отдыха нет ему ни днём, ни ночью, никакого отвлечения и расслабления...

Тяжёлые и назойливые мысли эти, бередя душу, а также твёрдое настояние Валентины, привели Степанова к врачу, пользовавшемуся у них в городе хорошей репутацией, на консультацию. А тот, сложив, умножив-перемножив всё услышанное от Ивана Ивановича и увиденное своими глазами, подтвердив опасения жены, порекомендовал провести обследование в онкоцентре на Каширке, чтобы исключить самое опасное, что может быть, добавив: «Ведь вам средства позволяют». При этом уголки губ его чуть заметно дёрнулись.

Да, средства Степанову позволяли, и вот он, бросив, наконец, все дела, не сказав ничего детям, так они решили с Валентиной, заранее оговорив все вопросы с врачом Центра по телефону, едет туда. Что-то будет?..

В Москве Иван Иванович, зная, что процесс будет долгим, но, не желая для обследования ложиться, на время снял квартиру, у Курского вокзала ему приглянулась интеллигентная женщина с табличкой, и отпустил машину. С утрачка он, без сна промаявшись всю ночь, натошак, да и какая тут еда, направился в Центр.

Побывав на приёме у врача и оплатив всё, Степанов получил кучу направлений, одной только крови четыре анализа, плюс ещё анализ мочи, исследование образца тканей и уста-

новление – доброкачественная или злокачественная опухоль, рентген, эндоскопия, УЗИ и иммунодиагностика. Всё это должно было занять, как ему объяснили, некоторое время. Он понимал, что «некоторое» – это понятие растяжимое и, зная, что не всё сразу делается, везде и как мог применял известный «ускоритель», и принялся ждать, терпеливо сдавая анализы, перезваниваясь с Валентиной и Оксаной, сообщая им: жене – подробно, любовнице – кратко обо всех этапах своего «скорбного пути», будучи готовым на всё...

И вот настал день «икс», когда Иван Иванович, собравшись с духом, пришёл узнать результат. У кабинета, как водится, была очередь, живая или нет, он не знал, не стал интересоваться, ибо не привык сидеть в очередях. И, несмотря на сильную слабость, не изменяя своей привычке, не сел рядом с другими, а встал в коридоре вдали от двери, но так, чтобы видеть её. И когда дверь в очередной раз недовольно скрипнула и медсестра вышла из кабинета, он кивком головы подозвал её, уже достаточно знавшую его щедрость, к себе, улыбаясь, встав вплотную к ней, положил кое-что в нагрудный кармашек её халата и прошептал: «Проведите меня». Через некоторое время, когда врач освободился, его вызвали, и он на глазах у покорно и понуро опустивших головы людей из очереди решительно вошёл в кабинет.

Врач, медленно перебирая бумажки, время от времени коротко взглядывая на Степанова из-под кустистых бровей и что-то бормоча себе под нос, долго и внимательно изучал результаты обследования. Но вердикт его был краток – опухоль желудка, и динамично растущая... Нужно ложиться в стационар и проходить химио- и лучевую терапию. Первая, как ему объяснили, заключалась в лечении с помощью специальных сильных лекарств, направленных на уничтожение зловредных, избравших себе иную жизнь, клеток. Вторая – в

лечении с помощью радиационного излучения, убивающего переродившиеся клетки. Ну, а если не поможет, то либо удаление всего желудка, близлежащих лимфоузлов и прочих органов, которые поражены болезнью, либо паллиативное лечение, то есть терапия, поддерживающая жизнь, устраняющая сложные проявления раковой болезни и обеспечивающая подходящее питание, одним словом, всё, что нужно, до благополучного ухода в мир иной... Конечно, врач так не сказал, но Иван Иванович понял.

– Вы сказали, что возможно удаление всего желудка. А разве человек может жить без него? – спросил он.

– В этом случае функцию желудка берёт на себя кишечник. Правда, качество вашей жизни после резекции желудка станет намного хуже: придётся соблюдать строжайшую диету, есть часто и небольшими порциями. Но жить можно, – ответил врач.

Степанов хорошего результата от обследования и не ожидал, факты говорили не в его пользу, поэтому отнёсся к приговору не сказать спокойно: всё опустилось у него внутри, но молча, мысленно начиная готовиться к этапу, какой по длительности Бог даст, борьбы за продление какой-никакой жизни. Он во всех смыслах от души поблагодарил врача, договорился о стационаре и, испросив непродолжительный отпуск, передать дела, проститься на всякий случай с близкими и друзьями, а также собраться, закупил ампулы с обезболивающим «по средствам» и вызвал машину.

На пути в свой городок Иван Иванович увидел церковь, стоявшую на берегу речки, рядом с постаревшим и вконец обнищавшим селом. В этой церкви он когда-то, лет десять тому назад, был на отпевании матери своего ближайшего сотрудника, проживавшей в своём стареньком домике в этом селе. Как сейчас перед глазами возникла панихида, гроб,

скорбные лица, запоздалые слёзы на лице сына... У него возникло желание зайти, и он попросил водителя остановиться.

Служба, видимо, недавно закончилась, ибо то тут, то там у икон стояли люди, и сильно пахло ладаном. Священник у аналая, разговаривал с прихожанкой. Степанов встал в стороне, делая вид, что тоже хочет поговорить. Когда женщина отошла, он неуверенной походкой подошёл к священнику.

– Что вы хотели, сын мой? – спросил тот.

– Я очень болен, батюшка, но верю, что всё во власти Божьей. Что Вы посоветуете, чтобы исцелиться?

– Это хорошо, что верите. А совет прост: молитесь, любите людей и делайте добро, не думая о результате.

– И всё?

– А что, разве этого мало?

– Благодарю Вас, отец, – сказал Иван Иванович и, поклонившись, пошёл к выходу. «Неужели всё так просто, или священник просто отговорился, чтобы не терять время и силы на такого безнадёжного, как я», – думал он, вытаскивая из бумажника крупную купюру денег и опуская её в емкость для жертвоприношений у двери.

Священник улыбнулся на его поспешный выход из храма и перекрестил вослед широким крестом.

Дома Степанов, завершив все запланированные дела, после укола, сделанного медсестрой, и после лёгкой еды под давлением жены, лежал и мысленно готовился к грядущему лечению. «Господи, помоги мне исцелиться!» – вдруг взмолился он, чего раньше никогда ничего подобного не делал. Может быть, посещение церкви и разговор со священником так повлиял на него? Однако тяжёлые мысли вновь вязко закрутились вокруг одного и того же, затягивая, как в омут, его сознание, и быстро утомляли его. Чтобы отвлечься, он

взял смартфон и вошёл в Интернет. Голова буквально раскалывалась, и он уже хотел выключить гаджет, но внимание привлекла фотография маленького мальчика, что-то было необычное в выражении его лица: какая-то неизбывная тоска в глазах и старческая улыбка, будто он что-то важное потерял в жизни, ещё и не начав жить. Иван Иванович, сам теряющий жизнь, нажал курсором на фото и начал читать открывшийся текст. Оказалось, что Никита, которому всего чуть больше года, очень болен. У него редкое и сложное генетическое заболевание... «Так, всё понятно!» – возмущенно подумал Степанов. Он вспомнил, как копил копейки в своём детстве и потом, на собранные деньги, покупал себе простенькую игрушку, которую родители не в силах были купить, так как они в семье с четырьмя детьми и престарелыми бабушкой и дедушкой жили очень бедно. И эта игрушка становилась его другом на долгое время. А тут... Попрошайничество! И ещё неизвестно: мальчик ли там больной, или замаскировавшиеся мошенники!

Иван Иванович делает движение, чтобы выключить смартфон. Но обращает внимание на то, что новость о больном мальчике поместил православный сайт «Азбука веры». Он нажал на ссылку, и ему открылся материал: «Образование – это раскрытие в человеке черт образа Божьего». Степанов стал вчитываться в материал, но читать не мог, так как ему необоримо хотелось спать. Он начал бороться со сном, буквы сделались расплывчатыми, превратились в туманные образы, и он, взглядевшись, уже различает отца и мать, дедушку с бабушкой, брата и сестёр. Они все сгрудились у его постели. Он давно и очень болен, но, слава Богу, удалось по программе помощи малоимущим семьям положить его в Детский онкоцентр. Однако недавно все врачи и медсестры уволились оттуда из-за низких зарплат, и его снова привезли домой. И

вот родные в горе, они не знают, что делать. Остаётся только лечение за границей – другого выхода нет, но это очень дорого, для семьи непосильно. Что делать?

Степанов проснулся от стука в дверь. Стук не повторился. Он понимает, что никто стучать в дверь не мог, так как, во-первых, она не могла быть заперта – не было замка, и, во-вторых, жена или медсестра могли просто войти к нему, спящему, без стука. Иван Иванович снова впадает в дремоту и видит: бесшумно открылась дверь, и в комнату вошёл священник, подошёл к его постели, и лицо его откуда-то до боли было знакомо ему. Священник протягивает руку, чтобы взять лежащий на постели смартфон... Но всё расплывается перед глазами Степанова...

Будучи ещё во власти сна, с трудом входя в реальность, Иван Иванович, наконец, вспоминает всё: и себя, и новость о больном мальчике Никите с таким странным лицом.

«Однако всякое бывает... Может, я и ошибаюсь... – думает Иван Иванович. Ведь когда студентом он разбил дорогой микроскоп в лаборатории, сейчас уже не упомнит какой, хотя память до сих пор была отменная, и обратился ко всем, к кому мог, за помощью, то вся группа, родители, родственники и друзья собирали деньги...

Он включает смартфон, находит информацию о мальчике и читает: «Спинальная мышечная атрофия, при которой сначала отказывают ноги, потом спина, шея и внутренние органы. И уже совсем скоро он может потерять возможность управлять собственным телом. Сейчас он не может самостоятельно передвигаться. А в ближайшем будущем возникнут ещё и проблемы с глотанием и дыханием. С подобным недугом дети обычно не доживают до школьного возраста. Помочь ему могут только за границей, в Германии, в частной клинике... (следует название клиники). Сумма для лечения баснословна – сорок пять мил-

лионов рублей. Такие деньги родители мальчика собрать не могут, она для них просто неподъёмная, даже если продадут всё имущество...» Иван Иванович просмотрел видеообращение матери мальчика, в котором она сквозь душевную боль, плача, говорит: «Мы очень просим всех неравнодушных, милосердных людей помочь нам! Мы уже смогли, благодаря вам, собрать десять процентов от общей суммы. Помогите!» И далее, как обычно, следовали реквизиты...

После некоторого колебания Степанов – «А... всё равно с собой не заберёшь!» – заполнив в своём мобильном банке перевод со своего счёта, нажав на «Ок», отправляет всю требуемую сумму на лечение мальчика... и снова засыпает.

Спал Иван Иванович на этот раз без сновидений – как провалился в сладкую пучину безвременья. Разбудила его мысль, что пора делать укол. Посмотрел на часы на стене, где секундная стрелка, как всегда, бездумно и бесчувственно бежала по кругу, и понял, что проснулся на два часа позже назначенного времени. Сел на постели, и уже после этого поразился тому, с какой лёгкостью он это сделал – боли не было! Лёг – сел, и так несколько раз, но всё было в норме. Зверь, цепко державший его плоть в своих когтях, куда-то исчез. «Может, мне сделали укол во сне? – подумал он. – Однако я бы почувствовал...»

Открылась дверь, и в комнату робко, видимо, боясь разбудить, вошли жена и медсестра. Увидев Степанова сидящим, они переглянулись, а Валентина, показав кивком головы на часы, сказала:

– Ваня, уже давно пора делать укол, но ты так сладко спал, что мы не решились тебя будить.

– Валя, но у меня ничего не болит!

– Как не болит?! – одновременно удивлённо, радостно и с сомнением воскликнула жена.

– Вот так, не болит и всё! И укол делать не нужно, сестра.

Валентина раздвинула шторы на окне, и в комнату яркими лучами заглянуло июньское солнце.

Медсестра, явно не веря услышанному и увиденному, пожала плечами и вышла. Жена села на край постели и взяла его руку в свою. В глазах её стояли слёзы, но внутренне она не знала плакать ей или улыбаться, ибо по рассказам знакомых знала, что перед самым концом больной может на некоторое время как бы выздороветь...

Степанов и сам не верил, что боль не вернётся. Но ни вечером, ни ночью, ни утром не было боли! Он решился, надел спортивную форму, почувствовал, как она стала свободно сидеть на нём, и вышел на пробежку. Трусит, «нарисовал» привычную «восьмёрку» вокруг усадьбы, правда, один раз, на большее сил не хватило, вернулся – боли нет.

Когда Иван Иванович зашёл в комнату Валентины, та стояла перед иконой. Зная, что жена не любит, когда ей мешают, он, было, вышел. Однако звук открываемой двери всё же отвлек её, и она, думавшая о нём и ожидавшая его возвращения, обернулась.

– Как ты, Иван?

– Вообще не болит! Даже не знаю, что и думать...

– Поезжай к лечащему врачу, покажись, пусть назначит всестороннее обследование, с этим шутить нельзя!

И вот Степанов, приехавший в родной город проститься с родными, друзьями и сотрудниками, снова едет в Москву. И если путь домой показался ему нескончаемо длинным, то сейчас он, мысленно подгоняя мелькавшие за окошком ав-

томобиля виды, с замиранием сердца, как на крыльях летел до Каширского шоссе и до самого Центра.

Боли нет. Врач потрясён и направляет его на полное обследование. И снова Иван Иванович получает на руки кипу направлений, снимает квартиру и, всякий раз замирая душой перед сдачей анализа или процедурой, окунается в тот же процесс, который он проходил недавно. Только тогда над ним довлело чувство обречённости, а сейчас им двигала с каждым днём, с каждым часом, словно чайка, витая над голубой речкой, как в далёком детстве, всё возрастающая надежда.

И вот, наконец, Степанов идёт к врачу за результатом. Он неотрывно глядит в его глаза, пока тот внимательно читает бумажку за бумажкой. Вот прочитано всё, врач берёт ручку. Иван Иванович напряженно ждёт вердикт. В этот момент в окно кабинета заглядывает солнечный луч, врач жмурится, поворачивается влево навстречу солнцу и, улыбаясь, снимает очки, одновременно двумя пальцами свободной руки массируя виски.

– Ну что, Иван Иванович, только зарубцевавшаяся язва. Химиотерапия, лучевая терапия и удаление не требуются. Необходимо только домашнее восстановительное лечение. Не верится... – Он показал на бумаги с результатами. – Но факты говорят сами за себя. Удачи вам!

Однако для верности, не уезжая из Москвы, Степанов решил провериться ещё в другом медицинском центре. Он снова, как и ранее, прошёл полное обследование по всем направлениям. Результат был тот же – всё в норме.

Иван Иванович входит в Интернет, на тот сайт, где читал объявление о Никите, находит информацию о нём. Мальчик уже в Германии, идёт лечение, прогноз хороший. Мельком просматривает комментарии, они из всех городов и весей страны и полны изумления и восхищения. Он не зацikli-

ваются на них, а обращает внимание на новое объявление, набранное крупным шрифтом, что мать Никиты разместила на сайте, в котором просит назваться того человека, кто перечислил такую огромную сумму, просит сообщить свои координаты, чтобы выразить благодарность и сообщить о нём людям. Степанов улыбнулся, почувствовал теплоту в сердце, но решил ничего о себе не сообщать...

Закончив все дела в Москве, Иван Иванович едет домой. Погода стоит скверная, природа буквально плачет, что, в общем-то, не свойственно июню месяцу, хоть и в конце его. Серое небо тяжело повисло над грустной землёй. Не видно уж былой синевы, не чувствуется былой юной свежести и прежних вибраций юной энергии. Пруд за поворотом своей зеркальной гладью отражает ту же небесную серость и словно с укором глядит ввысь. Поскучнели и поникли яблоневые ветви и кисти сирени за оградами дач. Смотрит Степанов на этот неожиданно возникший летом осенний пейзаж, а на душе, несмотря на непогоду – радость. Это была, конечно, радость здоровья, радость исцеления, божественного исцеления, исцеления Свыше – он это понимал, хотя полу атеистическое сознание ещё не вполне воспринимало это, но была и большая радость от содеянного добра, бескорыстного доброго поступка, бескорыстного ещё и потому, что ни на мгновение в его душе не возникло сожаления о потраченных им для больного ребёнка деньгах.

Все друзья и сотрудники, жена и дети, когда Степанов вернулся домой из Москвы, в один голос, говорили – это чудо! Он же отвечал всем: «Нет, никакого чуда здесь нет, просто я дороже всех заплатил за лечение!»